

Анатолий ЗАНИН

ГУБНАЯ ГАРМОШКА

Из рассказов о войне

О СЕНЬЮ 1944 года наш полк стоял в обороне на реке Нарев в городке Остроленке. Окопы мы вырыли вдоль домов по набережной улице и при сильном обстреле уходили в подвалы через подкопы под фундаментами. Немцы сидели в болоте на той стороне Нарева, на низком берегу, и все пытались выбить нас хотя бы из первых домов; беспрестанно стреляли из пушек и минометов, переправлялись через реку на плотках и в лодках, по ночам утаскивали постовых, проделывали в минных и проволочных заграждениях проходы, одним словом, активно оборонялись, а мы вцепились в берег и дома, закопавшись в землю и отбивались всеми силами. Нашу роту особенно дожимал шестистольный миномет «скрипач». При выстреле он издавал пронзительные скрипящие звуки, за которыми следовали разрывы тяжелых мин.

Мой друг Иван Колесниченко страшно ругался, когда немец начинал «скрипеть».

Чтоб ты провалился в преисподнюю, «скрипач» несчастный! По дороге прихвати своего идиотского создателя! Господи! Ну что тебе стоит подставить угол кирпичного дома под эту немецкую башку!

Все дело было в том, что «скрипач» мешал Ивану играть на губной гармошке. Мало того, «скрипач» будто дождался, когда рус Иван начнет заводить «Катюшу».

Бывало, Иван позавтракает, поковыряет ножиком американскую тушонку, попьет чайку из закопченного котелка, перемотает портянки, почистит свой надежный «ППШ» — пистолет-пулемет, проверит гранаты в нише окопа, поговорит со мной о мирной довоенной жизни, какой уж раз вспомнит, как по воскресеньям ходил со своей Лелькой в городской парк, где прыгал с парашютной вышки, пил пиво и любо-

(Окончание на 4-й стр.)

Натюрморт с полевыми цветами.

Рис. П. ХНЫКИНА.

Отчего взгрустнулось, расскажи?..

Тополь, и отважная сорока на ветру качалась одиноко, наслаждалась качкой от души. Ну-ка, память, нынче удружи! Дай же в детство заглянуть глубоко...

Ой, сорока, — озорное око! Видно, крепко любит мятежи. С первым вздохом, шагом, с первым криком мы знакомы с мятежом великим. В колыбелях долго нас качали не затем, чтоб ветер повалил... Расскажи мне, память, как я жил, что увидел сквозь года и дали? ***

Что увидел сквозь года и дали?.. Дом каркасный, рядышком — завод.

Как попало придет народ, галифе, потертые медали... Инвалиды в домино играли, одурев от ран и от «забот», брали жен поблекших в оборот и мальцов за водкой посылали. Все вставало медленно и трудно.

Был гудок и — утро. Было грубно. Крылья голубиные вязали, чтобы в голубятнях был приплод,

чтобы на душе светлело... Вот что воспоминанья рассказали. ***

Что воспоминанья рассказали? В будке — удивительный станок, что отец крутить часами мог... И такие тачивал детали!

Этажерки и шкафы сняли, а буфет — совсем, как теремок. Слово в души дунул ветерок — и они очнулись от печали. А во мраке не одним осколком, слишком тяжким, непомерно колким

тело бати снова ворошил броневой, каленый, человечий, — бой последний — танковая сеча, извлекая память из души. ***

Извлекая память из души, мы уже не можем оступиться... Точно так же бабушкины спицы в узелках до чуда хороши... Из былого пройденной глуши извлечешь порою — как

приснится: тополь в окна осенью стучится и предупреждает: поспешите! Скоро в школу. Листья —

на закладки. Сладко пахнут первые тетрадки — как чисты и до чего свежи! Как ни жаль... На этом белом поле

брать начнешь сегодня поневоле юности святые рубежи. ***

Юности святые рубежи... Строгая окраинная правда... Слово праздник, — плитка шоколада, щедрость на семейные гроши. Как ночные зори хороши! Светится завод нечадьем ада. День и ночь стальная канонада водит смены, лет свои ковши. У мальцов — отважные заботы: в час урочный ни одни заплоты Урожай от нас не заслоняли... Добрые разбойничьи дела... Детство. Юность, где же ты была? Мы на взрослость нынче

обменяли... ***

Мы на взрослость нынче обменяли тех годов святую простоту и окраин дымных красот, где впервые Родину познали. С крыш гудронных открывались дали

обменяли... ***

Мы на взрослость нынче обменяли тех годов святую простоту и окраин дымных красот, где впервые Родину познали. С крыш гудронных открывались дали

Александр ПАВЛОВ

Венок сонетов

РОДИНА

и качали детскую мечту... Так мы постигали высоту, Свой предел — Отчизну постигали.

От звезды до лучика в окне — все вращалось и жило во мне... Взрослость мы у детства переняли.

Голубятня рухнула моя. Улетели в дальние края голуби, которых мы гоняли. ***

Голуби, которых мы гоняли, отплескались. И настали дни майскому цветению сродни, бурям чувств, как на родном вокзале.

Ничего покуда не сказали... Но уже не усидеть в тени. Яростное солнышко, — блесни! Громче, громче! Или вы устали? Сердце переполнилось бедою, золотой, медовой, молодою — мука для мальчишеской души. Этот взгляд лукавый, эти руки... Постыжение трепетной науки... Первые свидания в тиши. ***

Первые свидания в тиши... Были мы так искренни и святые. Как тетрадки, что теперь измяты, Как цветы в нехоженной глуши. Никогда расстаться не спеши с первым чувством, что пришло когда-то.

Перед ним всегда мы виноваты, в памяти пред ним не согреша. Все, что было — боль твоя и вера.

Все, что будет — только от примера той любви, немой и невозвратной...

Ну, а если я сойду с пути и совета не смогу найти — Я пройду дорогою обратной. ***

Я пройду дорогою обратной... Сей поход порой необходим. С высоты ошибок оглядим, чем ты жил, дышал и пел когда-то.

Улочка черемухою знатной заросла. На слом ее, на дым! Новые дороги к проходным... Только школу белят аккуратно. И качают ранцами мальцы. И светло глядят на них отцы. А завод в замашке неохватной, день и ночь натруженно дыша, наступает, входит, не спеша в мир далекий и такой понятный. ***

В мир далекий и такой понятный новое вторгается не зря. Так восходит новая заря, ну, а день вчерашний — на попятный.

Только память голубые пятна оставляет, с прошлым говоря... Стынут незнакомые моря. Ураганы, ливень многократный ждут, чтобы окраины не вспомнил,

где впервые ты Отчизну понял... Чтобы в завтра ты не смог приплыть.

Помни все, отчаянный наследник, первый шаг свой помни и последний... Чище будет, но труднее жить. ***

Чище будет, но труднее жить. Так заведено, коль хочешь чище. С ложкой походи за голенищем, в ливень — огонька сумей добыть.

Будешь ненавидеть и любить. Будет все: людей коварных тыщи...

Плохо, если в каждом не отыщешь лучик света, трепетную нить, чтобы ею, как последним нервом,

ты прошел к его дорогам первым, где он видел искренние лица... Ну, а с ним и сам вернешься ты к миру первородной чистоты — воздуха рассветного напиться.

Воздуха рассветного напиться, дому своему заглянуть в глаза — катится багряная слеза по окну. За ним ты смел родиться.

Дом в меня, как в зеркало, глядится на закате. Пронеслась гроза по-над крышей. А теперь нельзя на крылечко. Можно оступиться... На меня он грустно взглянет вниз.

Дикий голубь сядет на карниз — странная над спящим домом птица... Скоро, скоро он в пыли падет. Только мне хотелось бы вперед над собою, словно кречет, взвиться.

Над собою, словно кречет, взвиться!

Я порой себя не замечал. Я порой других изобличал, на себя не мог оборотиться. Кречет мой, — безжалостная птица —

разгляди единственный причал, где не будет легче ни плечам, ни душе, не знающей темницы... Взгляд лукавый, и рука любимой,

старый двор в горячке голубиной — все, откуда ты явился жить. Помози со стороны увидеть и себя, и тех, что смел обидеть, и к себе дорогу проложить.

И к себе дорогу проложить... Счастье, коль сумеешь сделать это. Значит, жизнь хорошей песней спета,

значит, смог беду опередить. Ты себя хоть раз умел простить? Не находишь, видимо, ответа... Хоть бы раз простила осень лето!

Признавайся — было. Как не быть! Только память нас простить не может, как ни прятать, а только душу гложет.

Ох, уж эта память у души! Годы мчатся, новое вершится. Годы, годы — золотые птицы! Отчего взгрустнулось, расскажи? ***

Отчего взгрустнулось, расскажи? Что увидел сквозь года и дали? Что воспоминанья рассказали, извлекая память из души? Юности святые рубежи мы на взрослость нынче обменяли...

Голуби, которых мы гоняли, первые свидания в тиши... Я пройду дорогою обратной в мир далекий и такой понятный — чище будет, но труднее жить. Воздуха рассветного напиться, над собою, словно кречет, взвиться — и к себе дорогу проложить.